

Моск. новости. - 1997. - 21-28 дек. - с. 27

Оптимизм на депозите

Михаил МИШИН

Я должитель.

Я помню жизнь, где не было банковских кризисов. Потому что не было банков. В той жизни наш человек, спросивший, в каком банке ему лучше держать деньги, через десять минут был бы в милиции и через пятнадцать – в психушке.

Хотя банкира мы видали – на картинке. Жирный паук в цилиндре сидел на мешке с валютой и злобился с ихнего Уолл-стрита на Восток, где жили мы – счастливые, потому что не имели банков. Вместо разных банков у нас было одно место общего пользования с дикообразным названием «сберкасса», где за амбразурой гремела цепью и рычала тетка с золотыми зубами и деревянными счетами. Это был наш банкир.

Где-то там мелькали какие-то карточки, акции, дивиденды... У нас было все четко – у всех одна и та же сберкнижка с одним и тем же процентом, на который мы покупали одну и ту же бутылку, чтоб ее тут же сдать и деньги положить на книжку и ждать процента.

Это у нас называлось – оборот капитал.

Который обернулся тем, что наступила новая эра.

Теперь тут каждая улица – Уолл-стрит, не говоря о переулках, где количество банков равно числу подворотен. Эти банки вспу-

чиваются, как пузыри на болоте, и все начинают деятельность на благо отечества с главного – с «Мерседеса», джипа и секретарши, которая знает две фразы: «У него переговоры» и «Спасибо за звонок». И эти банкиры похожи, как доллары, – у всех белый офис, черное кресло, на столе компьютер, над столом пейзаж Левитана, причем у всех один и тот же, причем у всех подлинник.

И глядя на этот пейзаж, плачешь от радости за новые банки, за новую экономику и за всю эту новую жизнь, а когда наконец делаешь в радости паузу, чтобы спросить у них, где деньги? –

ну просто для интереса спросить, деньги-то где? –

как они уже съехали с этого адреса, и по другому их тоже нет, а по третьему никогда и не было, а президент уже в розыске, секретарша в слезах, а родной экономике остается только простреленный джип, угнанный «Мерседес» и автоответчик в прокуратуре, бормочущий: «Спасибо за звонок».

И я спрашиваю: на что надеяться? И я отвечаю. Жизнь человечества определяется правилами. Наша жизнь – исключениями.

Тут в газете написали, что один банк пригласил мировых экспертов прямо к себе в подворотню, и те им сделали аудит. Слово медицинское, напоминает что-то из ухо-горло-носа, но аудит – еще хуже. Это когда специальные люди лезут банку не в ухо, а вообще во все места, и смотрят на просвет, чтобы все было прозрачно. И вот газета оповестила – у них все прозрачно! И хочется радостно верить – тем более что эта газета тому банку и принадлежит.

А по радио сказали, другой банк помогает родному. Ну, то есть работает с будущими вкладчиками. И этому радио тоже охота верить и плевать, что оно клюет зернышки прямо с ладони того банка.

А третий банкир признался по личному телеканалу, что вообще обожает гимнастику, особенно женскую. И клялся работать, пока не возродит былую славу. Что значит, он будет здесь работать вечно.

– Не верю! – сказал один друг.

– Приезжай к нам через десять лет! – сказал другой.

Я не верю, но я приеду. Потому что как местный должитель потрясен мировым банковским кризисом. Когда из-за Гонконга инфаркты в Лондоне – это нам ясно... Но когда в Улан-Удэ...

Мы стали частью мира, пацаны!

В том шанс, что исключения станут правилами.

Короче, если я через десять лет... ну через пять... да через год! – найду на том же месте эти три... ладно, два... да хоть один банк... Готов на любой аудит – особенно среди возродившихся гимнасток. А если совсем свихнусь от счастья, то сделаюсь во всех этих банках вкладчиком – при условии, конечно, что они это дело проспонсируют.

Так что ложите, маманька, ваш оптимизм на наш депозит.

Другой банковской услуги оказать пока не могу.

